

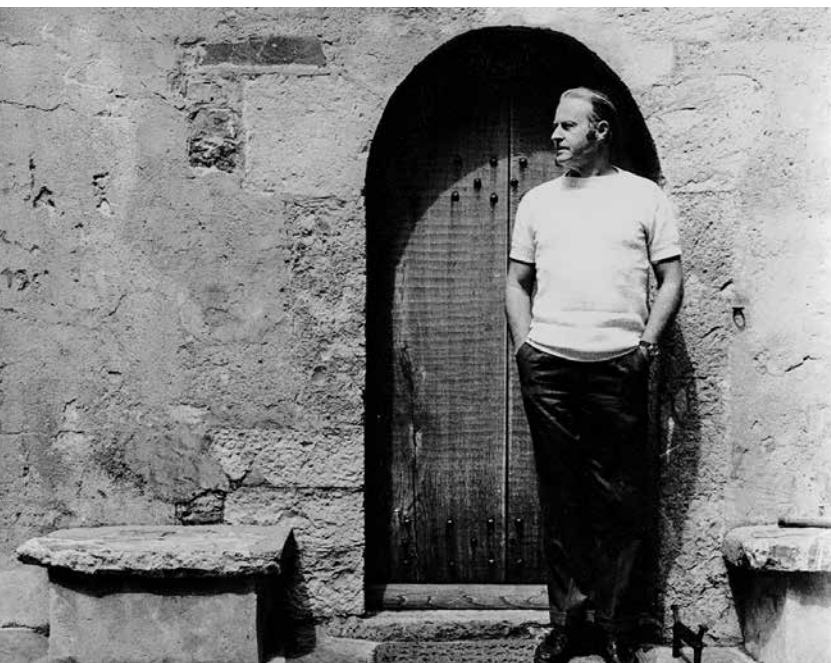
ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая КОГДА ДЕТЕКТИВЫ СОБИРАЮТСЯ НА КРАЙ СВЕТА	4
Глава вторая ЧТО НАС ОЖИДАЛО НА ПУТЕ ВСЕЛЕННОЙ	20
Глава третья ПО ВУЛКАНИЧЕСКИМ ТУННЕЛЯМ	50
Глава четвертая ЗАГАДКА ВЕЛИКАНОВ ОСТРОВА ПАСХИ	82
Глава пятая СЕКРЕТ ДЛИННОУХИХ	112
Глава шестая КЛИН КЛИНОМ	164
Глава седьмая ВСТРЕЧА С НЕМЫМИ СТОРОЖАМИ РОДОВЫХ ПЕЩЕР	214
Глава восьмая В ПОДЗЕМНЫЕ ТАЙНИКИ ОСТРОВА ПАСХИ	258
Глава девятая СРЕДИ БОГОВ И ДЕМОНОВ В ПАСХАЛЬСКОЙ ПРЕИСПОДНЕЙ	300
Глава десятая МОРОНГО УТА, ГОРОД ПОДОБЛАЧНЫХ РАЗВАЛИН	376
Глава одиннадцатая МОЙ АКУ-АКУ ГОВОРIT	402

Глава первая

КОГДА ДЕТЕКТИВЫ СОБИРАЮТСЯ НА КРАЙ СВЕТА

Тур Хейердал

У

меня не было аку-аку. А если бы и был? Все равно ведь я не знал, что это такое, так что вряд ли смог бы им воспользоваться.

На острове Пасхи у каждого разумного человека есть аку-аку, там и у меня появился свой аку-аку. Но сейчас я еще только готовил путешествие на остров Пасхи, и у меня его не было. Может быть, поэтому было так сложно собраться. Вернуться домой оказалось гораздо легче.

Во всем мире нет второго обитаемого уголка, такого же уединенного, как остров Пасхи. Ближайшая суша, которую видят его жители, на небе: луна и планеты. Им надо ехать дальше, чем кому-либо, чтобы убедиться, что на самом деле суша есть гор и стран в нашем собственном мире.

На этом далеком острове, лежащем за тридевять земель, люди издавна были поглощены одной из своих самых странных затей. Какой народ — никому неизвестно. И никто не знает — зачем. Ведь это было еще до того, как Колумб доплыл до Америки и открыл европейским исследователям ворота в огромный неизведанный Тихий океан. Когда наши предки еще думали, что мир кончается у Гибралтара, жили на свете отважные мореплаватели, которые знали истину. опередив свой век, они бороздили неведомые волны, необозримый океанский простор вдоль иссушенного солнцем западного побережья Южной Америки. Далеко в океане

они нашли сушу, самый уединенный островок в мире. Сойдя на берег, они заточили свои каменные рубила и принялись осуществлять один из самых удивительных инженерных замыслов прошлого. Они не строили ни замков, ни дворцов, ни плотин, ни причалов. Они вытесывали из камня исполинские человекоподобные фигуры, высокие, как дом, тяжелые, как вагон, перетаскивали множество их через горы и долины и устанавливали на мощных каменных террасах во всех концах острова.

Как они с этим справлялись задолго до эры техники? Никто не знает. Во всяком случае, статуи заняли свои места, как было задумано, чуть не подпирая головой небосвод, а народ — пал. Жители острова хоронили своих мертвых у ног созданных ими же истуканов. Воздвигали изваяния и погребали себя. Но однажды стук рубил о камень смолк. Смолк внезапно, ведь орудия остались лежать на местах, и многие статуи были готовы только наполовину. Загадочные ваятели канули во мрак забытого прошлого. Что же произошло? Да, что произошло на острове Пасхи?

В тысячный раз, навалившись на письменный стол, я скользил взглядом по огромной карте Тихого океана, обманчивому листу бумаги, где большие буквы обозначают маленькие острова и где с линейкой одинаково легко идешь по течению и против него. Я уже немного познакомился с этим океаном. Вот здесь, южнее экватора, в диких долинах Маркизского архипелага, я прожил год на туземный лад и научился видеть природу глазами полинезийца. Здесь же я впервые услышал рассказы старого Теи Тетуа о человеко-боге Тики. А еще южнее, на островах Общества, под пальмами Таити я слушал уроки великого вождя Териероо. Он стал моим названным отцом и научил меня почитать его расу как свою. А вот тут, на коралловом рифе в архипелаге, мы высадились с плота «Кон-Тики», убедившись, что могучий океан

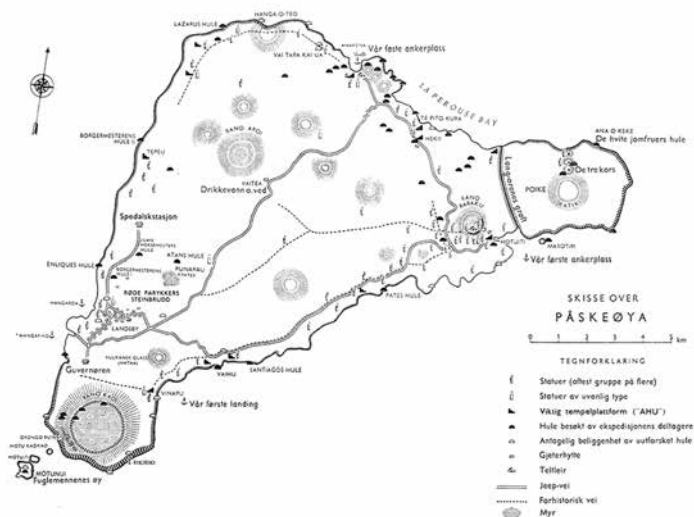

прилежно трудится, катит волны от Южной Америки сюда, к этим далеким островам. Ведь как ни далеки эти острова, все они были досягаемы для бальсовых плотов, которые мастерили древние индейцы — инки.

Или взять Галапагосские острова с их сухими кактусовыми лесами. С ними тоже у меня связаны примечательные воспоминания. Наш «Кон-Тики» чуть не отнесло туда, поэтому позже я отправился с экспедицией на Галапагос, чтобы посмотреть, какие тайны есть у этого заброшенного архипелага. В сказочном мире, среди огромных ящериц и самых больших черепах на свете, вместе со своими товарищами я подобрал в куче старого мусора под кактусами осколки лампы Аладдина.

Стоило только потереть эти грязные черепки, и на восточном горизонте показались широкие паруса. То плыли могущественные предшественники инков, на своих плотах они от берега Южной Америки вышли в бурный океан. Один, два, много раз выходили они в море и карабкались на безводные утесы Галапагосских островов. Здесь они устраивали лагерь и, случалось, били глиняные кувшины, необычные кувшины, каких не лепил больше никто в мире. Черепки этих самых кувшинов мы и откопали на древних стоянках. Это они играли роль лампы Аладдина. В них отражались подвиги смелых мореходов, они бросали луч света в кромешный мрак прошлого.

До нас на Галапагосе не работали археологи, оттого никто и не находил ничего. Мы первыми поверили, что индейцы так далеко выходили в море, потому и отправились искать. Вместе с археологами Ридом и Шельсвольдом я раскопал больше двух тысяч старинных черепков от ста тридцати кувшинов. В Вашингтоне специалисты изучили эти осколки, как детективы изучают отпечатки пальцев, и определили, что за тысячу лет до того, как Колумб проложил путь в Америку, предшественники инков отворили ворота Тихого океана и много раз ходили на далекий Галапагосский архипелаг.

Путь экспедиции

Это были древнейшие из найденных прежде следов человека на океанических островах Тихого океана. Они показывали, что до заселения Полинезии, до походов викингов в Исландию представители древних культур Южной Америки начали исследовать Тихий океан и осваивали острова, лежащие так же далеко от их родных берегов, как Исландия от Норвегии. Здесь они ловили рыбу, сажали свой южноамериканский хлопок и оставили многочисленные следы на стоянках, прежде чем уйти с негостеприимных островов к неизвестной нам цели.

От Галапагоса все то же могучее океанское течение, быстрее и во сто крат шире, чем Амазонка, устремляется дальше и через несколько недель достигает островов Полинезии.

На карте посреди этого течения была помечена безымянная точка, рядом — вопросительный знак. Земля? Мы прошли на «Кон-Тики» через эту точку и убедились,

что здесь попросту происходит завихрение струй. Зато далеко на юге, куда отклоняются крайние южные ветви течения, на карте показана другая точка, у которой есть имя — остров Пасхи. Там я еще не бывал и туда теперь собирался. Прежде я только дивился, как люди прошлого проникли в этот пустынный уголок. Теперь меня заботило другое — как самому туда попасть. Что толку искать ответа на вопрос, как путешествовали люди каменного века, коли тебе не под силу решить собственные путевые проблемы.

Когда «Кон-Тики» несло течением далеко на север от Пасхи, мы сидели на палубе при луне и говорили о загадках острова. И была у меня заветная мечта когда-нибудь вернуться в эту область и сойти на берег этого уединенного клочка земли. Теперь я пытался осуществить мечту.

Остров Пасхи принадлежит Чили. Только раз в год сюда приходит военный корабль с припасами для островитян, затем он возвращается в Чили, а туда так же далеко, как из Испании до Канады. Других связей с внешним миром у острова нет.

Но военный корабль меня не устраивал. Исследовать остров Пасхи за неделю, пока стоит судно, — пустая затея. Остаться на острове целый год в обществе нетерпеливых ученых мужей, если они уже через месяц заключат, что тут больше делать нечего, мне тоже не улыбалось. Можно, конечно, идти туда по течению из Южной Америки на бальсовом плоту, но удастся ли мне подбить на это археологов? А без них нет смысла изучать остров Пасхи. Значит, нужен собственный корабль, какое-нибудь экспедиционное судно. Но на Пасхи нет ни гавани, ни пристани, ни надежной якорной стоянки, негде запастись горючим и пресной водой. Значит, судно должно быть достаточно большим, чтобы взять горючее и воду на весь путь туда и обратно, да и там не стоять же ему на месте все время. А вдруг археологи через две недели заявят, что искать нечего?

Тогда мне будет мало радости от собственного судна, если только мы не воспользуемся им, чтобы посетить другие малоизученные острова.

Кстати, на востоке Полинезии таких островов хватает. В той самой части Тихого океана, куда доходит океанское течение со стороны Галапагоса и Южной Америки, археологов ожидало множество интересных островов.

Когда речь идет о далеких плаваниях, я всегда иду за советом к Томасу и Вильгельму. Как-то раз (до тех пор мои замыслы еще были тайной) мы сидели вместе в уютной старой конторе пароходной компании «Фред Ульсен», в портовой части Осло. Томас сразу, едва я вошел, почувал, в чем дело, и поставил на стол между нами огромный глобус. Я повернул земной шар так, что было видно почти сплошную синеву. Это бывает только при одном положении глобуса: когда перед вами южная часть Великого океана, а Америка, Азия и Европа скрыты на обратной стороне. Я показал на остров Пасхи.

— Сюда, — сказал я. — Но как?

Два дня спустя мы снова расселись вокруг глобуса, и Вильгельм показал свои расчеты.

— Лучше всего тебе подошел бы теплоход длиной примерно в сто пятьдесят футов, развивающий скорость до двенадцати узлов и способный взять пятьдесят тонн воды и сто тридцать тонн нефти.

Я ни капли не сомневался в его правоте. Жизнь научила меня полагаться на подсчеты Вильгельма, ведь он помог мне рассчитать дрейф «Кон-Тики» с точностью до одного дня; не его вина, что мы не сумели подать конец на берег Ангатау.

Через несколько дней Вильгельм позвонил мне по телефону. Рыбодобывающая фабрика в Ставангере предлагала подходящий траулер. Сейчас он занят на лове рыбы в гренландских водах, но с сентября я могу его арендовать на год.

Я посмотрел на календарь. Апрель месяц, до сентября меньше полугода. А мне предлагают, так сказать, «голое» судно — без команды, без оборудования.

Мой личный опыт кораблевождения не шел дальше плавания на плоту. Остальные участники экспедиции «Кон-Тики» тоже не могли составить команду настоящего судна, для этого требовались всякие свидетельства и удостоверения, с инкским плотом все было проще.

— Наша контора поможет тебе со всеми морскими проблемами, — сказал Томас.

И вот уже я сижу за большим зеленым столом, совещаюсь с судовым инспектором, уполномоченным по найму, уполномоченным по снабжению, уполномоченным по страхованию и прочими специалистами. Все вышло честь по чести. До отплытия оставалось неполных четыре месяца, и мне казалось, что я уже слышу голодный, нетерпеливый вой большого теплохода, ожидающего на старте в Ставангере без единой искорки жизни в трубе, без людей на мостике, с огромными трюмами, где голые шпангоуты, точно ребра, угрюмо облекают пустое чрево корабля.

Когда собираешься с семьей на дачу, хлопот хватает. Так представьте себе, сколько всего надо помнить, если кроме семьи везешь с собой пятерых археологов, врача, фотографа и пятнадцать моряков, да еще у тебя на руках судно с запасными частями, специальное оборудование и провиант на всю компанию на целый год. Вот когда чувствуешь себя дирижером, который, стоя босиком на муравейнике, уписывает макароны и в то же время штурмует вместе с оркестром Венгерскую рапсодию Листа. На письменном столе и вокруг него царил невероятный сумбур — паспорта, свидетельства, лицензии, фотографии, бандероли, письма... Мебель исчезла под грудой морских карт, таблиц и всевозможных образцов. Постепенно хаос охватил весь дом. Телефон и дверной звонок дребезжали в один голос, поминутно приходилось карабкаться через ящики, свертки и узлы с полевым снаряжением.

В полном отчаянии сидел я на магнитофоне с бутербродом в руках и телефоном на коленях, пытаюсь набрать нужный номер. Но сегодня это было почти невозможно, я только что дал объявление, что ищу первого штурмана для плавания в Южные моря, и провод работал без передышки. Капитана я уже подобрал.

Наконец мне удалось дозвониться.

— Мне бы три тонны зубоврачебного гипса, — сказал я.

— Что, зубы болят? — сухо осведомился мой соседник, один из столичных оптовиков.

Нас прервала междугородная, прежде чем я объяснил, что гипс нужен для слепка пасхальской статуи, а не для новой челюсти.

— Алло, — говорил уже новый голос, из Ставангера, — алло, докладывает Ульсен, ваш машинист, коленчатый вал износился, что будем делать — ремонтировать его или заказывать новый?

— Коленчатый вал?.. — произнес я.

Дрррррррр! Это уже дверной звонок.

— Спросите Реффа, — крикнул я в телефон, — это по его части. В дверь протиснулась Ивон, вся обвешанная свертками.

— Я проверила список стюарда, — сообщила она, — и срезала перец и корицу на два кило, а еще доктор Семб сообщил, что мы можем получить в пользование походную аптечку.

— Чудесно, — отозвался я и вспомнил оптовика, который решил, что гипс нужен мне для челюстей.

— Позвони ты туда, — попросил я Ивон и протянул ей трубку. В эту самую минуту к нам кто-то прорвался.

— Это какая-то ошибка, — повернулась она ко мне. — Фирма Мюстад спрашивает, куда доставить восемьдесят четыре килограмма разных рыболовных крючков. Но ведь мы везем с собой две тонны мороженой говядины?!

— Это не для рыбной ловли, — объяснил я. — Крючками мы будем платить островитянам на раскопках. Ты ведь не думаешь, что мы везем километр пестрых тканей себе для нарядов?

Ивон этого не думала. Зато она знала другое; механик только что прислал телеграфный отказ. Его жена решительно воспротивилась, узнав, что речь идет о Южных морях.

В три прыжка я очутился у мусорного ящика, но вернулся обескураженный. Ящик был пуст.

— Что ты там искал? — спросила Ивон.

— Заявления других механиков, — пролепетал я.

— А-а. — Ивон меня понимала.

Телефон и дверной звонок зазвонили разом. Ввалился экспедиционный аквалангист с двумя товарищами и охапкой ластов и дыхательных трубок. Они пришли показать, какая разница между французским и американским легководолазным снаряжением.

Позади них, вертя в руках шляпу, стоял странный человечек. Он хотел сказать мне по секрету что-то очень важное. Я не решился пустить его дальше коридора.

— Вы видели статуи на острове Пасхи? — прошептал он, оглядываясь по сторонам: не подслушивает ли кто-нибудь.

— Нет, я как раз собираюсь туда, чтобы посмотреть на них.

Он поднял вверх длинный указательный палец и продолжал с хитрой улыбкой:

— В них сидит внутри человек.

— Человек, в них?

— Я ничего не понял.

— Вот именно. — Шепот стал еще таинственнее. —

Король.

— А как же он попал внутрь? — поинтересовался я, медленно, мягко оттесняя гостя к двери.

— Они его туда засунули. Совсем как в пирамидах. Разбейте одну статую, и увидите.

Он кивнул, улыбаясь, и учтиво приподнял шляпу, а я сказал спасибо за совет и с легким замешательством закрыл за ним дверь.

Я уже начал привыкать к тому, что слова «остров Пасхи» привлекают чудаков. Стоило газетам написать про мои планы, как по почте посыпались самые удивительные предложения. Чуть не каждый день с разных концов света мне сообщали, что остров Пасхи — последний остаток затонувшего материка, своего рода тихоокеанская Атлантида. Дескать, ключ к тайне надо искать на дне океана вокруг острова, а не на суше.

Нашелся даже один мудрец, который предложил мне отменить экспедицию. «Ехать в такую даль — только время терять, — писал он. — С помощью вибраций можно решить всю проблему, не выходя из своего кабинета. Пришлите мне снимок пасхальской статуи и древней статуи из Южной Америки, и я по вибрациям определю, изваяны ли они одним и тем же народом». Дальше он писал, что однажды сделал из картона модель пирамиды Хеопса, а изнутри наполнил ее сырым мясом. Вскоре модель начала вибрировать так сильно, что пришлось всю семью отправить в больницу.

Я чувствовал, что вот-вот начну вибрировать сам, если не прекратится этот сумасшедший дом. Я рванулся вдогонку за аквалангистами, которые поднялись по лестнице на второй этаж, но Ивон остановила меня, удрученно протянув телефонную трубку. И пока я говорил по телефону, она осторожно пододвинула шатающуюся гору невскрытых писем. Утренняя почта. Я боялся класть трубку, как бы телефон не зазвонил снова.

— Это из министерства иностранных дел звонили, — сказал я Ивон. — Попроси ребят там наверху подождать, мне придется взять такси, английское министерство колоний прислало запрос по поводу острова Питкэрн, а Коста-Рика разрешила вести раскопки на острове Кокос, но я должен дать письменное обязательство, что не буду искать клад, который, как они считают, там зарыт.

— Захвати почту с собой в машину, — крикнула Ивон мне вслед. — Вдруг окажется запоздалое письмо от какого-нибудь механика.

Я в этом сомневался, но все же подобрал на ходу письма. Чаще всего просились в экспедицию художники, писатели и всякие умельцы. А один немец написал, что хоть он и пекарь по профессии, но последние годы работал могильщиком, самый подходящий человек для раскопок.

— Не забудь, у тебя еще сегодня встреча с парусными мастерами, они разбили палатки на газоне у Бергсландов, — продолжала Ивон, уже поднимаясь по лестнице.

Я выскочил за дверь и чуть не сбил с ног почтальона, который доставил вечернюю почту. Хотел было отдать ему свою пачку, но вовремя спохватился и нырнул в такси с охапкой конвертов.

— Майорстювейен, — сказал я шоферу.

— Мы на ней находимся, — ответил он кротко.

— Тогда МИД, — и я принялся за почту.

Нет механика... Правда, какой-то часовщик просился в коки, но кока я уже нашел. Письмо с кафедры археологии университета Осло. От одного из двух археологов, которые записались. Обнаружилась язва желудка, врач не разрешает плыть...

Рухнул один из наших опорных столбов. Много ли толку от экспедиции, если не хватит археологов. А найти так быстро другого, чтобы поехал на год, будет не просто. Надо опять садиться и писать археологам, норвежским и иностранным.

И вот наступил сентябрь. У пирса «Ц» перед ратушей появился белый, как яхта, траулер с плавными обводами, на трубе — кирпично-красная бородатая личина бога солнца Кон-Тики. На высоком, утолщенном для плавания во льдах форштевне синей краской намалевана странная эмблема, понятная только знатокам: два священных птичеловека, перерисованные с пасхаль-

ской деревянной таблицы с нерасшифрованными письменами. Теперь из трубы летели искры, судно лежало сытое и довольное, волны фиорда плескались у голубой ватерлинии. На борту кипела работа, а на пристани столпилось столько народу, что грузовики и тележки с последними грузами с трудом пробивались к пирсу.

Ничего не забыто? Конечно, провиант, лопатки и все прочие необходимые предметы мы запасли. Хуже обстояло с тем, что вообще трудно предусмотреть. Вдруг нам попадется скелет, лежащий в воде. А есть ли у нас химикалии, чтобы уберечь его от разрушения? Или понадобится взлезть на неприступную скалу — найдется у нас снаряжение для этого? И как мы будем решать проблему связи и снабжения, если лагерь будет в одном конце острова, а непогода заставит судно уйти к противоположному берегу? Что делать, если кок расплавит котел, если винт будет поврежден о кораллы или кто-нибудь из матросов наступит на ядовитого морского ежа? Как быть с продуктами, если откажет холодильник? Все ли специальные инструменты и запасные части взяты? Все должно быть продумано, все ходы предусмотрены, ведь судно уже стоит под парами, готово идти на остров Пасхи, самый уединенный клочок земли на свете, где нет ни мастерских, ни магазинов.

Капитан полным ходом распоряжался на мостике, люди метались по палубе, задравывая люки и подтягивая концы, а штурман, могучий детина, невозмутимо стоял с плотницким карандашом в руке и ставил крестики в длинном списке. Все, за чем ему поручили проследить, на месте. Даже елка капитана (к рождеству!) втиснута в холодильник. Со списком порядок.

В последний раз зазвонил судовой колокол. Прозвучали команды, передаваясь от капитана к штурману, и над немеркнувшей головой бога солнца из трубы вырвались клубы мглы. Через борт в обе стороны летели добрые пожелания и прощальные слова, и два десятка довольных, предвкушающих увлекательное плавание

ребят на палубе оторвались от работы, чтобы в последний раз, на целый год наглядеться на своих избранниц, которые стояли в толпе. Сколько лиц — столько оттенков чувств, от радости до печали. Вот безжалостно убраны сходни, с плеском вспороли воду тросы, заворчали лебедки, и механики в машинном отделении сотворили чудо — корабль пошел своим ходом. Над стеной провожающих на пристани взметнулся прощальный гул, закачались руки, словно лес в бурю, капитан заставил сирену издать несколько душераздирающих воплей.

Конец сумбуру. Я стоял на пристани и махал. Нет-нет, я не позабыл впопыхах сесть на корабль, просто мне еще надо было слетать в США, там три археолога согласились участвовать в экспедиции, потом предстоял визит вежливости в Чили, а уже после этого, когда судно пройдет Панамский канал, я поднимусь на борт... Е.К.В. кронпринц Улав любезно согласился быть высочайшим покровителем экспедиции. Королевский норвежский департамент иностранных дел добыл мне разрешение от чилийского правительства вести раскопки на острове Пасхи при условии, что мы не повредим памятников прошлого. Англия и Франция также разрешили раскопки на принадлежащих им островах. Таким образом, нам была открыта «зеленая улица» в восточной части Тихого океана.

Когда судно развернулось к провожающим белой кормой и медленно отошло от пирса, на юте, выбирая грязный швартов, стоял молодой юнга. Душу его распирали восторг, и он сиял не хуже вечернего солнца, а весь класс дружным «ура» провожал Тура-младшего, на целый год избавленного от школьной повинности.

Но вот наше суденышко свернуло за огромный океанский лайнер и исчезло. Ему предстояло обогнуть половину земного шара, идя по следам мореходов, которые на много веков опередили современных детективов.

